

ПРОЛОГ

В ночь, когда она умерла, все наши телефоны были выключены.

Полиция не поверила нам.

«Подростки не ходят никуда без своих телефонов, — сказали они. — Думаете, мы поверим, будто вы не чатились и не селфились, или что вы там, молодежь, делаете на своих вечеринках в честь окончания семестра? Что никто не сделал селфи или не снял “бумеранг”?»

Мы все ответили одинаково: «Нет».

Они все равно проверили наши телефоны. Залогинились в «облака». Но там ничего не было.

На месте преступления детективы нашли огрызок бумаги. Это был один из плакатов, которые висели на деревянной калитке, обозначающей вход на пляж. Там большими жирными буквами было написано: «ЗАПРЕЩЕНЫ ТЕЛЕФОНЫ, КАМЕРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ — НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ!»

Как будто кто-то на вечеринке нуждался в напоминании. Потому что в этом и заключался весь смысл: мы хотели иметь шанс отключиться. Устро-

ить вечеринку, которая не будет задокументирована, танцевать всю ночь напролет в блаженной анонимности, получить воспоминания, которые нельзя проверить фотографиями или видео. Никто не нарушил правил. Никто не хотел делать этого. Когда речь шла о том, чтобы заметить предательское свечение экрана смартфона или блеск линз фотоаппарата, у всех нас появлялся ястребиный взгляд.

Некоторые из нас при необходимости могли бы нарушить закон-другой. Но нарушить правила нашей вечеринки в честь окончания семестра? Никто бы не осмелился.

Офицер полиции закатывал глаза, допрашивая нас одного за другим. «*Вы хотите сказать, что все следовали этим правилам? Я вам не верю*».

Но нам нечего было ему показать. Это была правда. Так что он попросил рассказать ему все.

В ту ночь пляж наполнился жизнью. Костер разожжен, языки пламени взмывали в небо. Некоторые поленья вспыхивали зеленым, пропитанные морской солью. Когда мы танцевали на пляже, наши тени тянулись вверх по меловым утесам, нависающим над заливом так, что казалось, будто утесы пляшут. Волны разбивались в отдалении, отлив оставлял на песке водоросли и ракушки. Летний вечер оказался теплым — начало начало очередной волны британской жары.

И, конечно же, он был полон *нами*. Без формы трудно сказать, кто есть кто. Забавно, не правда ли, что форма, созданная для того, чтобы все мы выглядели одинаково, на самом деле стала чистым холстом, на котором мы могли продемонстрировать

свою индивидуальность? Теперь, в обычной одежде, мы выглядели обычными подростками. Но мы ими не являлись.

Мы были студентами Иллюмен Холла.

Вот что делало эту вечеринку особенной. В другое время года на наши мероприятия приходили ученики из соседних школ: наша вечеринка на Сайман стала легендарной, а если вы пропустили нашу рождественскую феерию, то можете познакомиться с любым подобием светской жизни.

Но пляжная вечеринка конца семестра принадлежала нам. Мы жили вместе целый год, и, независимо от того, нравилось тебе в школе или нет, расставание на лето наполняло сердце грустью. Как бы вы ни пытались избежать этого, но, став одним из избранных шестисот студентов Иллюмен Холла, вы вплетались в ткань школы. Лето разлучало нас, и эта вечеринка становилась последним воспоминанием, которое поддерживало наш моральный дух в течение двух месяцев вынужденной разлуки.

Воздух был пропитан запахом древесного угля. Поленья щелкали и потрескивали от жара, поднимая в быстро темнеющее небо тлеющие угольки. В сочетании с низкими ритмами музыки в стиле хаус и раскачивающимися телами все это опьяняло... а может, дело было в избытке алкоголя, наливаемого в наши бумажные стаканчики.

Время тянулось, наступал прилив, и бухта оказалась почти отрезана от берега, а единственным выходом из нее остались вырубленные в скале грубо обтесанные ступени. Все было прекрасно: мы, песок, волны и огонь.

Леденящий кровь крик прорезал музыку. Толпа извивающихся тел замерла. Затем последовала волна, волна паники, передававшаяся от человека к человеку. Крики продолжались, музыка оборвалась, и мы как один бросились к воде.

Крик доносился с моря. У воды стояла какая-то фигура. Солнце уже скрылось за горизонтом, но вокруг еще было достаточно светло, чтобы все рассмотреть.

На песке лежало тело, волны плескались о подошвы ее ног. Она лежала на животе, но голова ее была повернута набок, а губы — неестественно посинели.

Бледная кожа, синие губы, спутанные пряди волос, скрюченные конечности. А на спине — сложная татуировка в виде сороки, каждая деталь которой была замысловато выписана поперек лопаток, которые выступали по обе стороны позвоночника остро, словно лезвия ножей. Крылья птицы были расправлены так, что их края загибались к ключицам, а хвостовые перья исчезали за вырезом платья.

Голос.

— Возвращайся в город и вызывай полицию. Она мертва.

ОДРИ

Есть ли что-то хуже, чем начинать все сначала в новой школе? Оказывается, есть. Начинать все в новой школе, когда хлещет дождь и дует ураганный ветер. Всего за несколько месяцев мне удалось перейти из теплой, уютной средней школы из красного кирпича в солнечной Джорджии в то, что выглядит как убогая версия Хогвартса на удаленном от мира полуострове где-то на юге Англии, и в самую плохую погоду, какую я когда-либо видела. Дворники на ветровом стекле отцовского «мерса» двигаются со скоростью молнии, двигатель все еще работает, и этот звук действует на мои и так взвинченные нервы.

— Веди себя хорошо, Одри, — говорит отец с переднего сиденья, не поворачивая головы.

«Веди себя хорошо». Можно ли сказать это более многозначительно? На самом деле он хочет сказать: *Не облажайся, не испорти все еще сильнее, всего два года, и мы за тебя уже не отвечаем, мы умоем руки, распрощавшись с тобой раз и навсегда.* Но, конечно, ничто из этого на самом деле

не прозвучало. Это читается в напряженных плечах моего отца и в том факте, что мамы тут нет вообще, она уехала с Джейсоном, моим младшим братом, на юг Франции. Эдисон, мой старший брат, учится в колледже в Нью-Хейвене, так что помощи ждать неоткуда.

Я не отвечаю отцу. Делаю глубокий вдох и смотрю в окно. Если на фотографии с веб-сайта он выглядел просто древним, то вживую Иллюмен Холл создает ощущение, что я очутилась в другом столетии. Он выглядит средневековым. Я бы не удивилась, увидев отрубленные головы плохих студентов, насаженные на пики между башенками в стиле «Игры престолов». И все же я рискую навлечь на себя гнев Ланнистеров, оставшись в машине с отцом еще секунду, так что открываю дверь, прижимаю к груди сумочку от «Шанель» и бросаю вызов дождю.

Отец что-то кричит, пока я бегу ко входу в школу, но его слова уносит ветер.

Появляюсь я эффектно, кубарем влетев в плавно открывающиеся двери, и, прежде чем успеваю понять, что происходит, капли дождя уже срываются с моей одежды на полированный деревянный пол.

Здание почти полностью поглощает шум бури снаружи, когда двери мягко закрываются за мной, и наступившая тишина приводит в замешательство. Медленно поднимаю глаза, пытаюсь рассмотреть сразу все. Взгляд останавливается на огромном портрете импозантной женщины, одетой в изысканное изумрудное шелковое платье. Она смотрит на дверь так, словно ожидает каждого входящего. Чувствую себя Дюймовочкой, что удивительно, по-

тому что во мне пять футов одиннадцать дюймов* и обычно я возвышаюсь надо всеми.

— Устрашающе, не правда ли?

Резко оборачиваюсь и вижу женщину в элегантном бледно-розовом костюме и того же цвета туфлях на высоком каблуке.

— Ага. — Мой протяжный южный выговор эхом разносится по атриуму.

Фу. Никогда мне не случалось *звучать* настолько неуместно.

— Вы, должно быть, мисс Вагнер?

— О, хм, просто Одри, — отвечаю я.

На губах ее появляется натянутая улыбка: кажется, она не очень хорошо относится к тому, чтобы называть кого-то по-простому.

— Я — миссис Эббот, директриса Иллюмен Холла. — Она протягивает мне руку, и я слабожимаю ее. — Я видела, как вы с отцом остановились во дворе... простите, что не вышла поприветствовать вас, но... — Она пожимает плечами и указывает на лужу, которую я уже оставила на полу. — Ваши вещи благополучно прибыли, так что я покажу вам вашу комнату.

Вскидываю бровь. Я знаю, что у моего отца большая и важная компания, но разве директору — директрисе — пристало выступать в роли гида?

— А где все? — спрашиваю я.

— Большая часть учеников прибудет не раньше полудня, как раз к приветственному собранию.

Она разворачивается и уходит, даже не закончив фразу, я стараюсь не отставать, и мои шлеп-

---

* Примерно 180 сантиметров. (Прим. ред.)

ки хлопают по деревянному полу. Ударяюсь бедром о перила и едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться. «*Неуклюжая, громкая, сквернословящая американка*» — не то впечатление, которое мне хотелось произвести на миссис Эббот. Дома я никогда не была такой неловкой, но тут невольно вытягиваю шею, чтобы поглазеть на высокий потолок с замысловатой резьбой на камне или на гигантские картины, которые почти полностью скрывают стены. Никогда раньше мне не случалось бывать в таких местах, если не считать музеев или галерей.

— Мы поместили вас в Доме Гелиоса, — сообщает миссис Эббот, поднимаясь по ступеням. — Вы будете делить комнату с одной из наших лучших учениц, мисс Мур-Чжан, так что можете задать ей все вопросы, какие у вас имеются. Она проведет для вас полный тур, как только вы устроитесь.

Я глубоко вздыхаю. Искренне надеюсь, что мы с соседкой станем добрыми подругами. Я хочу начать тут все заново: новая страна, новая школа и совершенно новые друзья.

Брендан, мой прежний бойфренд, рассмеялся, когда узнал, что у меня будет соседка по комнате. «*У тебя? Принцессы Одри?*» Хорошее напоминание о том, почему он — мой бывший.

Мы сворачиваем в коридор на втором этаже, где нам приходится перешагнуть через довольно большую кучу щебня. Миссис Эббот громко досадует на зияющую дыру в потолке.

Она видит, как я хмурюсь.

— Летом у нас тут производились некоторые работы, и мне *обещали*, что все будет закончено до завтрашнего дня. — Произнося последнее, она повы-

шает голос. Кажется, откуда-то из глубин дырявого потолка доносится ответное ворчание. Мне становится интересно, не считает ли миссис Эббот, что я пожалуюсь папе. *«Как будто я могу».*

Стараюсь не слишком запачкать пылью сумку, пока иду за миссис Эббот дальше по коридору.

— Вы взяли свою ID-карту? — спрашивает она, когда мы останавливаемся перед двойными дверями.

— О, хм. — Роюсь в сумочке, зная, что засунула куда-то туда этот дурацкий школьный пропуск. Он размером с кредитку, и, очевидно, это ключ ко всем помещениям школы... включая мою комнату.

Миссис Эббот ждет несколько секунд и, когда поиски становятся еще более отчаянными, выпускает легкий раздраженный возглас. Она вынимает из кармана костюма свой собственный пропуск и проводит им по электронному замку.

— Вы должны следить за своей картой... без нее вам затруднительно будет перемещаться по комплексу.

— Вот она! — говорю я, наконец-то вытаскивая ее из-под косметички и футляра из-под эйрподсов. Я устраиваю целое представление, перекладывая ее во внешнее отделение сумочки. Мы проходим мимо чего-то, напоминающего почтовые ящики, укрытые стеклянным окном, и я замечаю свое имя, написанное под одной из полок.

— Вот мы и пришли. — Мы стоим перед комнатой номер семь. — Ваш дом до конца года. Извините, но я должна бежать... Как видите, еще много чего надо успеть до начала завтрашнего хаоса. Уверена,

мисс Мур-Чжан скоро придет. А пока — устраивайтесь и распаковывайтесь. И, мисс Вагнер... добро пожаловать в Иллюмен Холл.

— Спасибо, — отвечаю я. Миллиард вопросов рвется с языка, но миссис Эббот не задерживается, чтобы выслушать их. Делаю глубокий вдох, успокаиваюсь и распахиваю дверь.

Первое, что я замечаю, — глубокий эркер прямо напротив двери, обрамленный объемной белой гардиной и тяжелыми коричневыми вельветовыми шторами. Напротив стоит маленькая скамья, покрытая зеленым, цвета листвы, атласом. Это место кажется идеальным гнездышком для чтения — пусть даже порой меня и тянет прилечь с книгой, — и хотя снаружи пасмурно, могу ручаться, что в хорошую погоду из окна падает много света. Стены обшиты панелями роскошного вишневого дерева, а по обе стороны от окна стоят односпальные кровати, два одинаковых шкафа, два письменных стола и два комода. Как будто в центре комнаты поставили зеркало.

Какие-то доски расшатались в деревянном полу, и они скрипят, когда я наступаю на них, но не сильно, с этим справится хороший ковер. Несколько картин, чтобы «согреть» дерево, немного разбросанных вокруг безделушек, и будет не так уж плохо. Улыбаюсь себе и достаю телефон, чтобы отправить фото Лидии, моей оставшейся дома лучшей подруге. Она помешана на дизайне интерьеров, так что у нее будет куча идей, как это все оживить.

Мои коробки и чемоданы стоят в коридоре снаружи, но я не спешу затаскивать их. Тем не ме-

нее первое, что я вынимаю, — моя школьная форма, выглаженная и свежая, в чехле из химчистки. Расстегиваю чехол и смотрю на костюм: мой новый наряд до конца года. Шерстяной пиджак глубокого синего цвета с золотыми пуговицами в форме звезд. Плиссированная юбка в тон, с акцентом из выполненных золотой нитью строчек. Не так уж и плохо.

Вздрагиваю, когда позади раздается голос:

— Не слишком-то расслабляйся. Эта комната проклята.

АЙВИ

— Эта комната проклята, — говорю я, протискиваясь мимо высокой светлокожей блондинки в дверях, выглядящей хрупковатой.

«*Будь доброй*». Слова мамы звенят в ушах. Ужасный несчастный случай, произошедший с Лолой в начале лета, и так уже достаточно омрачил этот год. Но сложно оставаться доброй, когда знакомишься с девушкой, ради которой придется распрощаться с уединением.

И особенно сложно, когда все в ней кричит о том, что мы не поладим. В одной руке у нее огромный смартфон в розовом пушистом чехле, а через плечо перекинут ремень безвкусной дизайнерской сумки. Снаружи, должно быть, холод собачий, а на ней *шлепки*. Я не люблю судить о ком-то, не перекинувшись и парой слов, но с этой удержаться просто невозможно.

Она резко оборачивается на звук моего голоса, ее большие голубые глаза распахиваются от страха.

— О боже, ты напугала меня. Привет, я Одри!

О, все становится еще хуже. Американка.

Она вешает свой чехол из химчистки на дверь и протягивает руки ко мне, улыбка обнажает идеальные белые зубы.

— Так рада с тобой познакомиться! — говорит она.

Я ускользаю из ее объятий.

— Оу, воу, не так быстро, — бормочу я.

Не обращая внимания на страдальческое выражение ее лица, прохожу мимо нее и кладу свою потрепанную кожаную сумку на одну из кроватей, чтобы занять ее. Эта кровать лучше: с нее открывается вид из окна и на ней совершенно новый матрас — такие вещи знаешь, только если изучишь это место вдоль и поперек, как я.

— Мне нравится тут, — говорю, утверждая очевидное, но, похоже, ей это уточнение не помешает.

Пожав плечами, она кладет свою сумку на кровать напротив. Садится, и древние пружины скрипят. Невольно задаюсь вопросом, из какой пыльной кладовки они вытащили вторую кровать, превратив эту просторную комнату на одного человека в убогую двухместную коморку.

— Итак, ты моя новая соседка, — говорит она.

— У тебя потрясающие способности к дедукции, — отвечаю своим самым высокомерным тоном. — Я Айви.

Она хмурится, ковыряя кончик розового маникюренного ногтя. Отворачиваюсь от нее, изображая интерес к содержимому своей сумки, но чувствую укол сожаления. Это не ее вина, что я в таком ужасном настроении. Ну, окей, отчасти ее. Но она об этом не знает.